

The background of the entire image is a scenic landscape. At the top, a bright sun is partially obscured by a large, dark, billowing cloud. Below this, more layers of clouds are visible, some catching the light from the sun. In the middle ground, a dense forest of evergreen trees covers a hillside. In the foreground, there are bare, brown trees and the roofs of several houses, suggesting a residential area in a mountainous region. The overall color palette is dominated by the blues and greys of the sky and clouds, the greens of the forest, and the browns of the foreground trees and houses.

Татьяна Мудрая

ОБЛАЧНЫЙ

ХРАМ

Татьяна Мудрая

Облачный Храм

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4922265

Аннотация

Девочка, рождённая вскоре после второй мировой войны, вспоминает своё детство, мир, одновременно светлый, разумный – и удручающий своей нелепостью, цветущий – и слегка пахнувший гнилью. Проходит через парадоксы физического и духовного взросления. Преломляет существующее через призму своих впечатлений и тех книг, которые довелось прочесть. Книг, которыми и в которых она по преимуществу живёт, впечатлений, которые испытывает по временам как бы не совсем она сама. Наблюдатель самым своим присутствием меняет предмет наблюдения – хотя это сказано отнюдь не о голых фактах, выловленных из омута прошлого цепкой памятью.

Не находя прочной защиты у взрослых и сверстников, старших или равных себе, она успешно выдумывает себе броню – и броня становится реальной.

Скользят мимо люди – родичи и знакомцы. Летит, всё убыстряясь, время. И, наконец, героиня встречается лицом к лицу с собой настоящей.

Татьяна Мудрая

Облачный Храм

Каждый человек сотворён из воспоминаний.

Воспоминания соприкасаются с тем, что называется реальной действительностью.

Однако не совпадают с ней целиком и всецело.

Облака в апреле.

При этих словах за горячей лобной костью возникает целая картина: поселковая улочка упирается, как в стену тупика, в ручной сосновый лес. Тротуары из выпуклого – прямо хлебная буханка – клинкерного кирпича вытаяли едва наполовину, на рыхлом льду мостовой – глубокие прозрачные колеи, в которых плещется голубая весенняя вода. Дома и домики под железной, крашенной суриком, или черепичной замшелой крышей. И чуть вдаль парят, вздымаются над лужами, над домами, над лесом, посреди густой весенней лазури блистательные громады. В точности как на полотнах художника Николая Дубовского, о котором ей пока известно лишь то, что он рисовал с натуры красивые облака. (Надо говорить «писал», только она пока о том не догадывается. И о том, как много разнообразных и куда более плотных образов вместил художник в пространства своих полотен – тоже. Пока у нее в руках лишь тощенькая стопка открыток.)

Град, грады, городки, замки и замки – всё сотворено из

яркой белизны. Свинцово-серая краска – не для нас, беременные непогодой тучи вычеркнуты в этом сезоне. Девочка в войлочных ботиках поверх тонких башмаков с перекрещенной, как знаки «морского боя», шнуровкой возвращается из школы, и апрель стирает всю её беду, как ластик – пометки в тетради. Впереди горделивые стены и башни, храмы, купола и притворы воздвигаются, плывут и обрушиваются в истемна-зелёный лесной сумрак. Сфинксы и химеры небесного зверинца пухнут в боках, расползаются на лоскутья, сливаются вновь и набухают ещё более удивительной жизнью. Если всё живое – лишь пометка за короткий выморочный день, говорил незнакомый девочке поэт...

Ну нет. В детстве день нескончаемо длинен и до краёв насыщен высоким смыслом. В точности как и само детство.

Крошечную, туго запелёнутую в старый шерстяной платок девочку медсестра подносит матери, еле живой от почти двухдневных родов:

– Вот, корми давай свою крикунью. Уёма на нее нету – всех младенцев в роддоме перебудоражила! Сколько на свете живёт – столько орёт.

И тихонько:

– Жить больно уж хочет.

Одиннадцать акушерских месяцев. Четыре с половиной килограмма. Заросшие роднички и чёрный пух на головке, что крепко держится на плечах. Глаза – узкие, тёмные, за-

плывшие жиром щёлки. Сослуживицы матери будут позже дразнить младенца «гилячкой». Гиляками здесь зовут малый местный народ — нивхов.

— Не удивлюсь, если придется отдавать в школу для неполноценных, — говорит доктор молодому отцу. — Япония с нашим Николаевском совсем рядом, а два года назад там бомбы взорвали. Атомные.

Волосики на черепе скоро выпали, на месте их выросли другие, белокурые. Потом и эти потемнели, но не так сильно. Всё прочее тоже вроде как выправилось.

Отец хотел сына и так был уверен в исполнении своего желания, что даже колыбельную заучил мальчишескую. А переучиваться было, наверное, некогда. Клал девочку головкой на сгиб локтя, баюкал и пел:

Спи, мой сынок,
Берег далёк,
Волны качают
мой челнок.

Я погадаю
Здесь до рассвета —
Много ли рыбы
В сети пойдет.

Я погадаю,
Много ль на свете

Мой мальчик встретит
бед и забот.

Ты подрастешь,
Станешь пригож,
В море с сетями
Сам пойдешь.

Горя не зная,
будешь рыбачить,
Годы удачи
жизнь озарят.

Вот уже тают
призраки ночи:
Спи, мой сыночек,
скоро заря...

Городок Николаевск-на-Амуре 1947 года. Выше двухэтажных райкома и школы нет зданий – прочие дома находятся едва ли не на уровне земли и обнесены забором. Неспроста: где такого забора нет, там легко заблудиться. Ходит рассказ о том, как жена одного поручика выбежала в самом начале пурги бельё с веревок снять – и сильно заблудка. Отыскали через двое суток сидящей на берегу Амура, еле разогнули, чтобы в гроб покласть.

Сам Амур-батюшка – что море, в непогоду на другой берег в лодке переплыть – нешуточный подвиг, не всякий муж-

чина рискнёт. Вот жёнки выгребались, бывало, когда сугубая беда наставала. Суровая река, могучая волна, но и люди им под стать.

Вся жизнь в здешних местах такая: на грани. Зимним утром прокопаться до нужного места – задача не из легких, да и потом двигаешься как в траншее. Печь в крошечной халупе, где ютятся две семейных пары с младенцем, топится не переставая. На ней и готовят, и белье кипятят, и воду для мытья внучки греют: только в воде и перестает орать. Ну и тогда, когда потешают ее. Как-то явилась с визитом патронажная сестра – молодая бабушка у печи ведьмой пляшет, крышками от кастрюль гремит, дитя веселит. Удивилась...

И еще дитя молчит – когда кормят. Рот потому что при деле находится.

Летом на толстом слое парного навоза и поверх него – речной, пойменной земли китайский редис вырастает длиной в мужскую ладонь, морковка – с руку до локтя, свекла и картошки – с ребячью голову. За брусникой молодой отец ездит во Владивосток. Горький корень сами едят, сладким соком дочку и внуку Танюшку выпаивают. Любит очень. Картошку, размятую с молоком, – тоже. Первое в жизни слово – дядя! Дай, то есть.

Второе...

Семи месяцев отроду воткнула в нее мать, отпросившись с работы, сосок – как плюнет! Улыбнулась и чётко так говорит: «Тьфу!»

То есть, выходит, сама себя от груди отлучила.

Дед, по профессии воспитатель юношества, забеспокоился, что кулачки у дитяти некрепко сжимаются. Стал рефлекс тренировать: протянет игрушку – отдёргнет, протянет, а когда девчушка попробует ухватить – снова отдёргнет. Так натренировал, что однажды внучка вмиг скатерку со стола стянула, никто и глазом моргнуть не успел. Хорошо, одна солонка там была, и та пустая да деревянная.

На день кроватку приходилось ремнями пристегивать к стене: дитя в ней вставало на ножки и как на качелях раскачивалось. Совсем по доктору Споку, только тогда он своей книги еще вовсе не написал. Однажды паковались все на отъезд и позабыли про девочку. Ну и кувыркнулась же она – прямо в открытый чемодан головкой! Обернулась, села в мягкое – и смеётся как ни в чем не бывала...

Это они на родину из эвакуации собирались, однако. С трудового фронта.

На пароходе, что много дней подряд идёт вверх по Амуру, палуба скользкая и вся в угольной крошке; девочку, чтобы выглядела чистой, приходится по несколько раз на дню переодевать – резва, непоседлива и неуклюжа. Шлёпнется – не заплачет, только «ох» скажет. Поднимется, коленку потрёт и бежит себе дальше.

В поезде семья устраивается в купейном вагоне: мобилизованный отец, уволенная с почётом мама, мамыны матушка

с папой. Едут напрямиком в град Москву, столицу нашей Родины, которой стукнуло восемь сотен лет и где лет этак восемь назад окоренились многие приволжские родичи бабушки. Весело едут: отпускной полковник играет с ребенком, расспрашивает, нянькается вовсю. Травит остальным байки.

В поезде произошёл первый в жизни девочки непонятный случай. На остановках народ бросался за покупками, поезда двери – разумеется, не той системы, что называется «осторожно-мы-закрываемся», с внутренней пневматикой в две атмосферы, – были приоткрыты. Никто не заметил, что отважное дитя, перекинувшись через дедово плечо, зацепилось пальчиками за тяжелый стальной край. Но когда один из курильщиков зачем-то потянул створку на себя, дед мгновенно вложил в узкую щель свободную от ребенка руку.

– Ценой своего увечья девчонке пальцы спас, – ворчливо заметил отставной военфельдшер, бинтуя дедову руку. – Отрубил бы, как гильотиной, – и привет.

– Не обязательно, – ответил дед, слегка морщась. – Говорят, до двух лет конечности регенерируют почти как у ящериц. Келоидные ткани. Не слышали ничего подобного?

Врач воззрился на деда, как на сумасшедшего. Однако сошло – списали на боль и прочие переживания.

Что сам дед хотел после гимназии выучиться на врача (семнадцатый год, попал в стык времен), да не позволили поповичу из бывших, – мало кто знал.

Московские родичи устроились в столице основательно:

сначала наши дальневосточники гостят у одних, потом у других. Одна квартира напротив МИДа, другая на Плющихе; огромные коммуналки с одним небольшим семейством в придачу, похожие на купол потолки с лепниной, мусоропровод на кухне, ванна в рост человека. Буфет, похожий на знаменитый Нотр-Дам-де-Пари, с двумя башенками над резным дубовым корпусом. Один такой у смоленской тети Вали, другой, попроще, у плющихинской тети Тани. Впоследствии экскурсия к родне становится для девочки лучшим приключением: чистая, вкусно накормленная, Танюшка-меньшая сразу же садится в укромный угол с любой хозяйской книгой в руках и – не слышно, не видно. На редкость спокойный и беспроблемный ребенок...

Почти по Аспергеру.

Но так будет лет через пять. Пока семейство Мудрых-Троицких торопится вить гнездо в тех местах, где нет ограничений на прописку.

В Подмоскovie семейство почти сразу купило четвертушку дома – дед подкопил длинного дальневосточного рубля столько, что и грабительский обмен по схеме «один к десяти» не вполне этот рубль подкосил. Дом стоял рядом с изумительным сосновым бором: когда десятилетия через два он оказался всего-навсего лесопарком, ореол слегка померк. На другой стороне улицы, в лесу, не было никаких строений, кроме узкой шкатулки детского туберкулёзного санатория – один этаж, широкие «венецианские» (поселковая термино-

логия) окна, в них по вечерам рыжие огоньки ламп. Поначалу девочка завидовала этим детям, пока не объяснили.

При доме был сарай из досок, поставленных на торец, как принято у североамериканских поселенцев. Пол сарая земляной, в устилавшем его сене летом заводились абитуриенты: приезжали сдавать экзамены в московский институт. Несколько позже в закоулке между сараем и забором появилась уборная. Бегать туда зимой в двадцатиградусный мороз было рискованным предприятием. Для этого висело на вешалке одно пальто и один платок на обеих женщин, жилет из настоящей ленд-лизной обезьяны и ушанка – для мужчин. Малышку до поры до времени всаживали в помойное ведро – умывальник располагался рядом с обеденно-кухонным столом. Мылись мужчины в бане, женщины – в огромном алюминиевом тазу: одна стоит, другая поливает сверху из лейки. Для Танюшки предназначалась цинковая ванночка и в ней – по пояс тепловатой водицы.

Бабушкина младшая сестра, тетя Валя, певица хора Свешникова, и ее муж дядя Толя приехали из Германии в машине с гудком-грушей. Называется Фольксваген. Привезли дочку Соню и мне в подарок двух немецких кукол, одну на время, другую навсегда. У этой навсегдашней, глаза вращаются и накрываются веками – если снять паричок из настоящих локонов, виден противовес. Глаза сделаны на протезной фабрике, поэтому как настоящие. Тело моложе голов-

ки – младенческое, с перетяжками на целлулоидных запястьях. Каждый пальчик, каждая ямочка вытиснены в пластмассе, любой ноготок прорисован как резцом. Мою куклу зовут Маргарита, Рита. Светло-русые волосы, которые можно завивать на тряпочные бигуди, персиковый румянец на щеках, тёмно-голубые глаза под пушистыми ресницами, губки бантиком, изящный носик. Дедушка по моей просьбе шьёт ей приданое: фланелевые башмачки-пинетки взамен лакированных туфелек, простенькие платья, чтобы не трепала дорогое шелковое, и тёплое пальтишко с капором на зиму.

Дед в вечерней школе руководил кабинетом физики. От того под разогрев пищи использовали внешний сосуд от калориметра, сплошь эмалированный, с небольшой щербинкой: снаружи коричневый в пупырышках, внутри голубой в синюю крапинку. Думалось – колориметр, такое ощущение от цвета и шероховатости. Лет этак через десять девочка слегка удивляется, получив для опытов на руки настоящий прибор, – оказывается, эта посуда вовсе не для готовки.

Странные для малого ребенка понятия и мысли.

Вот та самая Танюшка, которую научили складывать буквы в четыре года по специальной слоговой методе (снова дедусь постарался), с куклой Ритой, взятой в охапку, лезет на чердак по новой лестнице – толстые ступени, надежные перила – и там читает вузовские учебники. Книжки родительские – отец и мать оставили дочь на бабушку и сами учатся

быть учителями. Преподавателями.

Хрестоматия по педагогике: Ян Амос Каменский, Макаренко. Пирогов, Бецкой, Песталоцци.

Хрестоматия по литературе и искусству. Моцарт и Моцарт слегка путаются в разумной головке, оба умерли героически, на сцене или в постели – безразлично: создавая прекрасные образы и вечную музыку.

Это уже корм запойного чтеца. Первая в жизни книга тоже была не совсем детская: про рыцаря Айвенго и красавицу Ревекку. Первый вопрос по тексту: почему мы говорим не так, как написано? «Што», а не «что». «Знатнаво», а не «знатного».

Примат буквы над звуком.

Превосходство выдумки над жизнью.

Священная пара, почти одинаковая с виду: рыжий, как огонь, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле в переводе Заболоцкого (никто не говорит девочке, что тот еще и поэт) и необузданными иллюстрациями Гюстава Доре – пиршество плоти и духа. Голубовато-синий, как вода, «Тиль Уленшпигель» Шарля де Костера (кто догадался дать такую жестокую книгу детям, убрав со страниц самое лучшее – любовь?), – первый опыт ужаса и благородства. Пепел Клааса стучит в сердце Панурга. Живая вода из источника феи Бакбук врачует истерзанное пыткой тело Катлины. Тиль и Неле совершают паломничество в Телемскую Обитель. Потешный и уродливый внешне Сократ – мудрейший из мудрецов: это

он своим варевом из цикуты наводит на влюблённых провидческие сны. Невероятное переплетение сюжетов, верное течение мысли.

Истинные книги не меняются – только становятся глубже. На родных в такой мере положиться нельзя: как-то мама явилась домой без обычных своих косиц, уложенных сзади в тугую «корзиночку», – в крутом перманенте. Еле по платью опознали – шелковое, бордовое, с обильными круглыми пуговками спереди и на обшлагах узких рукавов. То есть это, разумеется, Танюшка так начудила: стоит и говорит: «Чужая тетя пришла». Бабуся тоже бывает разная – то добрая, улыбается во все круглые щечки, покрытые сетью красноватых жилок, то, почти без перехода, – «иди жрать, сволочь». И то, и другое у нее от заражения крови: выдавила прыщик под глазом и чуть не умерла, пенициллина тогда еще не изобрели. Удивительные люди – мама, бабушка и даже папа. Сами меняются, а разговоры их – нет. Так и вертятся вокруг того, какие дрова привезли и хорошо ли уложены в поленицу, что приготовить на обед, чем стирать белье – новым куском вонючего стирального мыла или обмылками – и какие сны тебе снились во время дневного отдыха. Да никакие: Танюшка не умеет спать при свете. Лежит в кроватке и потихоньку выдергивает петельки из домодельного ковра – олень с короткими, без коленок, ногами, с черно-алым, соблазнительно ярким носом.

Зато по вечерам так страшно, что девочка не хочет ло-

житься: сидит в кровати и падает туда без сил, когда заснёт. Тот, кто постоянно гоняется, – людоед из мультика про Мальчика-с-Пальчик. Чтобы он тебя не схватил, нужно быстро найти одеяло, а попадаются всё какие-то пояса и галстуки. Или вот ещё вариант: изо всех сил удариться головой о дерево или камень, а они, как на грех, будто из резины. Тогда, может быть, из одной хмари перейдешь в другую по каким-то черно-зелёным спиралям и сполохам, и новый сон будет, если повезёт, мирным...

Даже без пожара в нём. Из-за программ типа «не давайте детям играть спичками», которые постоянно показывает их телевизор «Т2-Ленинград», Танюшка панически боится зажигать любые домашние приборы: в равной степени наяву и в мечтах. (Это удержится класса до девятого и мало-помалу пройдет после грандиозного конфуза, когда на уроке физики девушка не сумела зажечь спиртовку.)

Вот еще спасение от кошмаров: в полусне вообразить, что ты ложишься в ноги дедушке с бабушкой, что спят тут же, в узкой, пеналом, каморке. Наяву это запрещено, слишком узенький и короткий у них диван, тем более что дед встает ночью – проверить, не наносит ли угаром от накормленного ввечеру печного зева.

Риту класть рядышком в постель тоже не дают: говорят, взрослеть пора.

Как-то летом она меня, по-моему, подговорила на бунт.

Отомстила по-своему. Незадолго до сна и до того, как домашние кончили обедать, я потихоньку удрала ко входу на двор. Там был такой коридор, заросший малинником, в конце ворота и калитка, больше ничего. И бузинное дерево – из него получались дудки для стрельбы бузиновыми же зеленноватыми цветами или желто-красными, ядовитыми на вид плодиками. Джунгли на четыре с половиной сотки. Я почему-то думала – меня вообще не найдут, так и проживу. Ну конечно, из сарая, где была летняя кухня, керосинки там, яма в земляном полу вместо ледника, моим родичам было видно всё: и как я вцепилась в калитку, и как все мимо проходящие жители здоровались со мной и Ритой. Потом я еще удивлялась, отчего меня никто не заругал. Тут, наверное, дедусь помог. Вот он был как книги – в самом главном не менялся. Каков на той старинной фотографии, где он с красавицей мамой и пышнокозой сестрой, таков и сейчас – только лет в шестнадцать очки прибавились, в сорок – аккуратная лысинка.

Ну, укладывать меня, чтобы отбыть каторгу, больше не пробовал никто.

И жуткие сны мало-помалу смягчились, прекратились, сменившись *вялотекущими кошмарами*. Термин – это называется *термин* – очень кстати отыскался в словаре по школьной психологии.

Лет пяти-шести девочка успокаивается и начинает прини-

мать жизнь такой, как она есть. Правда, с чего-то правый глаз косит сильнее обычного – и когда знакомый врач догадывается попросить шестилетнюю Танюшку поглядеть на действительность каждым глазиком попеременно и по отдельности, обнаруживается, что девочка наполовину слепа. Ну, *почти* наполовину... Небольшая близорукость, еле заметная глухота.

Странное устройство тела.

Ей необходимо почти постоянно двигаться взад-вперед – на качелях, чего боится и не допускает бабушка, в гамаке, круглый год, даже зимой, подвешенном на двух столбах для бельевой веревки. На крыльце и верхотуре чердачной лестницы, держась обеими руками за ограждение площадки. Сидя на кушетке. Бабушка утверждает, что оттого преждевременно разовьётся половое чувство, и гоняет девочку с места на место. На самом деле это с самой бабушкой может случиться истерический припадок – от одного вида раскачивающегося маятника старинных часов: поэтому в доме не держат никаких «тик-таков» помимо пружинного будильника. С Танюшкой не происходит по видимости ничего плохого: даже наоборот. Сочинения в школе будут писаться по новоизобретённому методу прекрасно: мысль концентрируется, становится прозрачной и тяжкой, будто хрустальное стекло.

Станный, будто инопланетный, выговор.

Труднейшее «Р» выговаривается с первого же раза, а твердое «Л» остаётся искажённым до конца жизни: плохой слух

не даёт возможности скорректировать произношение. То же самое происходит и со всеми прочими согласными – взрослые вежливо именуют это «акцентом», мальчишки дразнятся шепелявой уродкой.

Странные занятия.

В середине января наряжать отслужившую свой срок и выставленную на двор ёлку в разноцветные ледяные игрушки, которые так хорошо умеет делать дед: подкрашивает воду в формочках для песка и вмораживает туда петельку из ниток.

В ясные дни февраля восседать посреди двора на сплоченных из горбыля щитах – соседка, та самая, со свиньями и еще с коровой, которую то и дело запускает во двор через калитку, проела домашним все печёнки. Оттого домашними решено заменить штaketник сплошным забором: хоть матом ругаться перестанет, едва завидя ребенка. Воображать себя мореплавателем, открывателем обеих Индий и Австралии в придачу.

В марте, когда солнце колесом играет в небе, а снег оплывает и течёт, пробивать ломиком и железной лопатой каналы для спуска воды, с бульком капающей из-под сосулек. Воды сладкой и невероятно чистой, которая длинным винтом крутится в узких канавках, унося сделанные из корья и щепок лодки. Как лоцман весны.

В апреле – граблями чистить двор от сухого листа, травы и мусора, что набился в бывшую клумбу с астрами – взрос-

лые опорожняют туда ведро с помоями и кожурой. Потом отец поджигает костёр, и сладкий весенний дым плывёт над чистой, еще не одетой в новую шкуру землей, забивается в ноздри и волосы.

Странные вопросы.

В мае, по дороге из поликлиники домой – выверенный ритм шагов, позволяющий как следует думать, слегка отсутствующий взгляд – Танюшка внезапно спрашивает маму, успешную студентку пединститута: «Зачем мы все живём?» Малость ошалевшая родительница отвечает впопыхах: «Ну не кончать же нам самоубийством, если уж на свет родились».

Июнь, созревание зелёного цвета. Я не двигаюсь, но нам с Ритой кажется, что площадка чердачной лестницы, с двух сторон огороженная перильцами, плывёт в тёплом томном воздухе надо всем моим миром. Потому что когда я здесь и слегка раскачиваю верхнюю часть тела, взявшись обеими руками за поручни, земля принадлежит мне, я останавливаю ее на вдохе и делаю живой и видимой, когда выдыхаю вместе с воздухом. Только нельзя, чтобы кто-нибудь из взрослых подглядел: им никак не приходит в голову, что всё вокруг живет как лампочка в море переменного тока – потухая и загораясь. Про лампочку сказал дедусь: когда показывал мне самодельные диафильмы на бумажной ленте. Весь фокус в том, что ленту надо каким-то хитрым образом приложить к

рыжему абажуру, а это получается только у него одного, потому что он знает про переменство и постоянство электричества и всего... ой, надо говорить переменчивость, наверное? А еще он рисует подвижные фигурки прямо на остатках отрывного календаря – такой пачечке, крепко замкнутой в железную скобку.

А вот мои корабельные сосны – они в каком ритме живут? Два огромных дерева, они словно сошли с репродукции Шишкина? Когда меня выпускают на улицу, я первым делом бегу к ним, касаюсь ствола одной, ствола другой сосны руками, будто хочу соединить. А потом сажусь ровно посередине – играть с травой в колоски. Это называется «петушок или курочка» – смотря как удастся собрать семена со стебля ведя по нему снизу вверх: плоской метелкой или хохолком. Хохолок, петушок почетнее, но у меня постоянно выходит курица. Мокрая...

Мокрый луг, на котором ребятишки, мои уличные приятели, пробуют перевернуться через голову. У меня никак не выходит, но это потому, что я знаю: если перекинешься ловко и правильно, попадешь в совсем другой мир. Такой, где будет всё как здесь, но по-настоящему отмытое от грязи. Но мне такого не дано, а другие и вовсе не пробуют и не умеют... Вращаются в одном и том же.

Тысяча девятьсот пятьдесят третий год. Смерть великого вождя народов.

Тогда меня два раза в неделю возили к ото-ларин-гологу в дом рядом с Красной Площадью, такой большущий и в виде вытянутого кольца, спринцовкой дули в уши, отчего становилось неприятно, и кололи в попу витамином алоэ, чтобы поправить слух. Отчего-то день похорон я помню как сплошное путешествие по крышам в сторону Красной Площади, а слуховая поликлиника, конечно, не работала. Не понимаю – этого ведь не могло случиться с такой дошколяшкой?

В пятьдесят четвертом году поезд с паровозом впервые везёт семейство на Кавказ, по дороге девочка не отлипает от окна – так чудесно бьёт в лицо ветер с привкусом угля и дыма. Только через туннели проезжаешь – сразу надо захлопывать откидную створку, чтобы не дышать чистой копотью. Еда дешёвая и вкусная: бабушка впервые покупает на станции варёную курицу, одну на всех. Танюшке достаётся верхняя часть окорочка. Отец шутит по-украински: «Прокляты нижки повыше коленца». В поговорке должно быть наоборот, пониже коленца – оттого, что кура грязь разгребала, первому Адаму глаза застила, но это ведь шутка. Девочка убеждается, что дорога куда лучше ее окончания, хотя Чёрное море – это чудо. Здесь так легко выучиться плавать, хотя до этого она чуть не утонула, во всяком случае – едва не нахлебалась воды по ноздри: хотела на четвереньках доползти до папы, что стоял в воде по пояс и с кем-то разго-

варивал. Сюрприз сделать. Ну, подхватили ее, конечно, подняли из волны, что перевернула навзничь. Зато стала вовсе без страха и с той поры плавала в море как пробка. Куда и как угодно – отдыхать можно на спине, только знай следи, чтобы тебя шибко не сносило в сторону от берега. И быть очень спокойной.

А в следующем за августом сентябре – школа.

Коричневые платица и белые фартучки с оборками на плечах. Серые штаны и гимнастерки с ремнем китовой кожи и гербовые фуражки. Чёрные с бежевым парты, липкие от свежей краски, – на сидении каждой расстелена газета, чтобы не выпачкаться. Крышки хлопают всякий раз, как всташь. Перед первым уроком – линейка, и Татьяна инстинктивно сторонится прикосновений чужого локтя: вторжение в личную сферу. Но учительница, Зинаида Ивановна, – очень красивая: чёрные кудри, круглые карие глаза. Когда девочка пытается передать свои чувства родителям, на язык приходит одно слово: «благоговение».

Через полгода от благоговения остаются сплошные ошмётки. Первая ссора: когда «вид скворешника сбоку» Татьяна изображает прямыми линиями, а учительница настаивает на том, чтобы отразить изгиб на месте просверленной дырки. Потом девочке не прощают ни одной кляксы, на которые так скоро перьевая ручка, умокнутая в чернильницу с фиолетовыми мухами; ни одного разрыва между буквами – скаывается привычка к «печатному» письму; и ни одного ра-

ционального решения по арифметике. Да и читает она вслух прямо-таки позорно, спотыкаясь на каждом слоге: язык никак не поспевает за глазом, который в две секунды ухватывает всю набранную крупным шрифтом страницу.

Тихая пикировка продолжается ровно три года, перемежаясь иными занятиями. Физкультурный зал – туда постоянно наносит пряные ароматы из туалета на семь очков (кабинка для учителей отдельная, с дверцей и куда чище). В глубине дырок копошатся червяки – Мишка, сосед по парте, называет их опарышами и говорит, что Татьяна Мудрая с ее надетым на нос велосипедом на них похожа. Учитель рисования во втором классе – зануда и педант, но насчет прямой перспективы и трёх проекций соображает туго, а именно в этом Мудрая на коне: природный ущерб компенсируется щедрым пространственным воображением. Вот перья у воробья может нарисовать широкой частью вперед, но все равно получает «отлично»: чтобы сдать учителю нарисованное за урочные сорок пять минут, надо подняться с места, к которому ученица будто прикипела. И когда она кладет своего храброго воробышка на стол и возвращается, весь класс и сам получатель видят сзади на форме зловещее желтоватое пятно, а на сиденье – такую же лужицу: в прошлый урок, которые вела та самая Зинаида, третьеклассницу не пустили в туалет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.